

DOI 10.35775/PSI.2025.118.6.040

УДК 327.5

А.Ю. СЕРЕДА

аспирант Санкт-Петербургского

государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург

E-mail: alexey_sereda@mail.ru

МИНИЛАТЕРАЛЬНЫЕ ФОРМАТЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА США В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются минилатеральные форматы военно-политического сотрудничества США в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) как ключевой компонент трансформирующейся архитектуры региональной безопасности. В условиях стратегического соперничества с Китаем выявлен сдвиг в американской внешнеполитической практике от заключения формализованных многосторонних союзов в пользу создания гибких нетрадиционных объединений с ограниченным числом участников. Минилатеральные механизмы функционируют как институциональные надстройки существующей системы традиционных двусторонних союзов, формируя сеть взаимосвязанных механизмов, способствуя укреплению региональной архитектуры безопасности без необходимости заключения формального коллективного договора. Такие структуры обеспечивают высокую степень управляемости, институциональную адаптивность и возможность концентрации усилий на приоритетных направлениях, включая стратегическое сдерживание, развитие передовых технологий и противодействие киберугрозам. Подчеркивается ограниченность традиционных теорий союзов в объяснении новых форм международной кооперации, что обуславливает необходимость пересмотра теоретико-методологических оснований изучения современных военно-политических форматов в ИТР. Сделан вывод о том, что минилатерализм становится одним из базовых инструментов реализации долгосрочной стратегии США по укреплению регионального лидерства в условиях изменяющегося баланса сил.

Ключевые слова: минилатерализм, Индо-Тихоокеанский регион, военно-политическое сотрудничество, региональная архитектура безопасности, США.

В настоящее время Индо-Тихоокеанский регион приобретает значение ключевого геостратегического пространства, в котором формируются приоритетные направления мировой политики и безопасности. Концентрация экономических, технологических и военных ресурсов в регионе сопровождается усилением стратегического соперничества между США и КНР, что предопределяет трансформацию региональной архитектуры безопасности, где традиционные союзы уступают место менее формализованным и гибким механизмам военно-политического сотрудничества. Подобная неформальная надстройка поверх

формальных гарантий безопасности демонстрирует попытку укрепить систему двусторонних союзов США, что качественно меняет отношение к классическим формам военно-политической кооперации. Возвращение Дональда Трампа на пост президента США и назначение антикитаиста Джеймса Вэнса вице-президентом фактически закрепляет антикитайский курс США на ближайшие 4-12 лет [23]. Изучение возможностей и ограничений неформальных военно-политических союзов позволяет разобраться в сложностях и динамике соперничества с Китаем, оценить и спрогнозировать его влияние на баланс сил в регионе и мире.

Применение совокупности общенаучных и специальных методов обеспечило комплексный характер анализа. Метод кейс-стади применен для детального исследования конкретных структур минилатерального взаимодействия, включая QUAD, AUKUS, а также другие треугольные форматы, в том числе Трехсторонний стратегический диалог Австралия-США-Япония, треугольник Индия-США-Япония, треугольник Австралия-Индия-Япония. Сравнительный анализ позволил выявить характерные особенности указанных форматов и зафиксировать их институциональную динамику. Анализ текстов международных соглашений, включая Североатлантический договор от 1949 г. [14], Договор о безопасности между США и Японией от 1951 г. [28], Договор о безопасности Австралии, Новой Зеландии и США от 1951 г. [29] и др., дал возможность оценить правовую основу военно-политического взаимодействия США со своими союзниками и партнерами.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 3; 5; 6; 9; 10; 11; 12; 13; 15; 16; 17; 18; 19].

Однако проблему развития военно-политического сотрудничества США в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) как ключевой компонент трансформирующейся архитектуры региональной безопасности нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

На сегодняшний день, в теории союзов нет единого мнения в отношении определения международных «союзов» (англ. *alliance*) [33. Р. 53-76]. Различные авторы предлагают более 30 определений данного термина, зачастую используя понятие «союз», «объединение» и «коалиция» в качестве синонимов [7. С. 138-160]. В этой статье под термином «*alliance*» понимается официально заключенный «союз» или «альянс» государств, в интересах обеспечения национальной безопасности стран-участников. Понятие «*alignment*» трактуется как «неформальный союз» или «партнерство» государств в более широком понимании, чем «союз». Определение «минилатерализм» обозначает формат международного сотрудничества, превышающий двусторонние, но не достигающий масштаба многосторонних структур, как правило, включая от 3 до 6 государств-членов [22. Р. 27-34].

В рамках классических реалистических концепций, представленных в работах К. Уолтца [32], С. Уолта [31] и Р. Швеллера [27. Р. 927-930] создание альянсов объясняется стремлением государств обеспечить национальную безопасность в условиях анархии международной системы посредством достижения баланса сил, угроз и интересов. Дополняя этот подход, Дж. Морроу [24. Р. 207-233] и Т. Кристенсен [21. Р. 919-922] подчеркивают значимость внутривосточной среды как фактора, влияющего на союзную политику: интересы элит, особенности политических режимов и внутривосточная динамика могут определять характер и устойчивость внешнеполитических обязательств. В свою очередь, Г. Снайдер [30] и Дж. Морроу [25. Р. 387-423] исследуют политическое поведение государств в рамках союзов, обращая внимание на механизм согласования интересов, перераспределения обязанностей и обеспечения взаимной поддержки.

Члены альянсов постоянно стремятся управлять своими союзническими отношениями: более сильным союзникам выгоднее сотрудничать в двусторонних форматах, в то время как второстепенным союзникам – в многосторонних. Поэтому именно в двусторонних союзах более явно проявляется доминирование более сильного члена. Большое количество участников может затруднить международное сотрудничество, повышая соблазн к «безбилетничеству» (получение выгод без вклада в совместные усилия), что может привести к недостаточной реализации коллективных действий [26]. Поскольку многостороннее сотрудничество включает более разнонаправленные интересы, становится все сложнее достичь консенсуса. Уменьшение числа участников способствует более прочному сотрудничеству. Государства также склонны создавать двусторонние союзы, так как в многосторонних союзах труднее вести переговоры и управлять ими.

Основы современной Индо-Тихоокеанской архитектуры безопасности были заложены в результате «блоковой политики» США во второй половине XX века. Все примеры многосторонних военно-политических союзов в АТР, такие как SEATO и ANZUK, утратили эффективность и прекратили существование в 1970-х, в то время как ANZUS продолжил существовать в двухстороннем формате Австралия-США и Австралия-Новая Зеландия. По мнению Виктора Ча, США предпочли двухсторонний формат военно-политического сотрудничества в Восточной Азии вместо формирования коалиции коллективной обороны [20. Р. 158-196], создав сеть двухсторонних асимметричных союзов, известную как «Сан-Францисская система» или система «оси и спиц», с Вашингтоном в качестве «оси» и без видимых связей между «спицами». С начала XXI века США сосредоточились на продвижении военно-политического сотрудничества между «спицами» как в двусторонних, так и в многосторонних (чаще всего трехсторонних) форматах, формируя стратегическую сеть альянсов, в центре которой по-прежнему оставались США [8. С. 5-15].

Образованный в 2007 году QUAD мог бы заложить основу для многостороннего союза в ИТР, однако за ним последовал ряд «минилатеральных» институтов, в том числе трехсторонний стратегический диалог Австралия-США-Япония,

треугольник Индия-США-Япония, треугольник Австралия-Индия-Япония и новое трехстороннее партнерство AUKUS. Все эти инициативы направлены на укрепление безопасности и стабильности в ИТР и все больше отражают продолжающуюся геостратегическую трансформацию региона.

AUKUS является примером новой формы минилатерализма, основанного на решении конкретных проблем, в частности приобретение Австралией атомного подводного флота, а также улучшение совместных возможностей в области кибернетики, ИИ и квантовых возможностей. Однако, главной же причиной создания AUKUS является стремление сдерживать политический и военный потенциал Китая [1]. Вашингтон стремится окружить КНР системой собственных военно-политических альянсов и партнерств, достигнув военного преимущества в ИТР [4]. Для реализации этих целей США сделали ставку на систему пересекающихся минилатеральных партнерств, в которых гораздо легче добиться солидарности в конкретном вопросе по сравнению с многосторонними механизмами.

В случае с QUAD, который нередко ошибочно называют «союзом» ввиду отсутствия договорных обязательств, маловероятно создание четырехстороннего военного альянса. Индия, несмотря на свои опасения китайской угрозы, не желает открыто поддерживать США в конфронтации с КНР. А.Л. Лукин и С.А. Коротич называют подобное поведение стратегией «хеджирования», при которой государства могут устанавливать довольно тесное взаимодействие с источником потенциальной угрозы, одновременно стремясь обезопасить себя путем поддержания военно-политических связей с другими акторами [8. С. 5-15]. По той же причине AUKUS также ошибочно называют «альянсом», однако он значительно дальше продвинулся в вопросах согласованности, создавая впечатление, что он стоит на пороге трансформации в традиционный союз. Технически, для этого необходимо подписание официального договора о взаимной обороне и безопасности (по аналогии НАТО). Однако даже в этом случае, для превращения в полноценный военный альянс требуется создание необходимой инфраструктуры альянса, включая объединенный политический совет и механизмы совместного командования, которых по-прежнему нет в трехстороннем формате.

Потребность в заключении официального союзного договора в рамках AUKUS фактически нивелируются наличием двусторонних обязательств взаимной обороны между США и Великобританией, закрепленных статьей V Североатлантического договора от 1949 г. [14], а также между США и Австралией, закрепленных статьей VI и статьей V Договора о безопасности Австралии, Новой Зеландии и США от 1951 г. [29]. AUKUS выступает своеобразной неформальной надстройкой поверх этих формальных двусторонних обязательств. Это же, с небольшими оговорками, применимо и к QUAD: в случае агрессии против того или иного члена, активизируется двустороннее обязательство по взаимной обороне, что, впрочем, не применимо к Индии ввиду отсутствия союзнических соглашений. Двусторонние обязательства взаимной обороны между США и Японией закреплены статьей V Договора о безопасности между США и Японией

от 1951 г. [28] и в комбинации с американско-австралийским компонентом, фактически делают QUAD квазиальянсом с условно коллективной обороной, поскольку 3 из 4 стран-участниц являются членами двух союзов: американско-японского и американско-австралийского.

Система минилатеральных партнерств настолько тесно переплетена своими двусторонними связями (включая гарантии безопасности), что в наличии коллективного договора и всеобъемлющей инфраструктуры альянса практически нет необходимости. Перспективы институционального развития минилатерализма в ИТР определяются особенностями самих структур: QUAD никогда не рассматривался как военный союз и, по всей видимости, продолжает развиваться в направлении международной организации. AUKUS и другие треугольники безопасности по-разному похожи на традиционные союзы и основаны на гораздо более тесных отношениях между их членами, базирующихся на прочном фундаменте двусторонних союзов. Вместо формализации своих обязательств в союзническом договоре они, вероятно, останутся в рамках своих нынешних институциональных форматов.

В перспективе американская система военно-политических союзов скорее всего продолжит укрепляться путем дальнейшего формирования сети минилатеральных механизмов безопасности из числа уже имеющих союзников и партнеров, что выведет региональную архитектуру безопасности на качественно новый уровень без количественного увеличения ее состава (треугольник США-Япония-Филиппины и четырехугольник США-Япония-Австралия-Филиппины). Также рассматривается возможность расширения AUKUS путем включения как стран, имеющих территориальные споры с КНР, так и стран, желающих получить ядерные технологии (Филиппины и Южная Корея). Возможно пополнение партнерства и неформальными членами в формате «AUKUS Plus», что позволит расширить сотрудничество в неядерном компоненте (Новая Зеландия и Япония). Не исключается также количественное расширение американской архитектуры безопасности в ИТР путем вовлечения новых, в том числе внерегиональных, участников (Канада).

Таким образом, существующие теории союзов не дают объяснения тому, почему государства предпочитают выбирать менее жесткие форматы военно-политического сотрудничества, пренебрегая гарантиями безопасности. Теоретический подход «трех балансов» К. Уолтца (сил), С. Уолта (угроз) и Р. Швеллера (интересов), а также «дилемма безопасности» Г. Снайдера, предполагают, что в условиях стремительного экономического, технологического и военного роста Китая, страны ИТР должны стремиться к формированию многостороннего военно-политического блока против КНР, чтобы защитить свои собственные интересы или уравновесить китайскую мощь в регионе. Однако на практике, наблюдается тренд на формирование неформальных партнерств с ограниченным числом участников.

С окончания холодной войны США не заключили ни одного «традиционного» союза в ИТР. Напротив, в целях укрепления сложившейся системы двусторонних

альянсов произошла реализация «нетрадиционных» двух-, трех- и многосторонних диалогов между «спицами» Сан-Францисской системы. Эти пересекающиеся соглашения фактически сформировали новую минилатеральную систему партнерств в ИТР, что также отражает стремление США расширить число участников Индо-Тихоокеанской архитектуры безопасности: т.е. создание QUAD вовлекло в антикитайскую систему безопасности Индию, а AUKUS – Великобританию.

США сделали акцент на минилатеральный формат партнерств, что по сей день позволяет Вашингтону реализовывать свои внешнеполитические интересы в ИТР. В этой связи многосторонние механизмы выглядят менее рациональным решением, поскольку гибкие военно-политические коалиции, собираемые под конкретную тактическую задачу, имеют преимущество перед долгосрочными стратегическими блоками. Это объясняется тем, что в гибких минилатеральных партнерствах гораздо легче добиться солидарности в конкретном вопросе, в то время как в долгосрочных военно-политических блоках достичь консенсуса гораздо сложнее. Учитывая тесные связи стран региона с Пекином, привлечение новых участников в региональную систему безопасности США довольно проблематично. Большинство стран ЮВА довольно осторожно относятся к попыткам втянуть их в коалицию по сдерживанию КНР. Многие союзники и партнеры США приняли политику регионального балансирования, выраженного в политике хеджирования (Сингапур, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Филиппины) или нейтрализации военно-политической составляющей союзов (Таиланд), что в последнее время встречается все реже.

Военно-политические союзы США играют ключевую роль в соперничестве с Китаем. Сан-Францисская система стала фундаментом региональной архитектуры безопасности в ИТР, представляющей стратегическую сеть двух-, трех- и многосторонних механизмов. ИТР еще не достиг значительного уровня поляризации, поэтому формирование в регионе проамериканского военно-политического блока наподобие НАТО является маловероятным. В то же время американская система безопасности имеет перспективу качественного (за счет создания новых пересекающихся партнерств) и/или количественного (Канада) расширения.

Изучение теоретических аспектов формирования и функционирования военно-политических альянсов, помогает научно объяснить причины создания, а также политику государств в тех или иных структурах военно-политического сотрудничества в регионе. Однако на практике наблюдается отход от традиционных форм взаимодействия в области безопасности. Прослеживаются попытки создания синергетического эффекта, путем наращивания нетрадиционной надстройки на базе прочного фундамента двусторонних союзов Сан-Францисской системы. Формальные обязательства взаимной обороны между США и их союзниками дополняются и укрепляются новыми минилатеральными соглашениями, обеспечивая высокий уровень координации и взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Алешин А.А.** Зачем США, Австралия и Великобритания создали новое оборонное сотрудничество AUKUS? // <https://www.imemo.ru/news/events/text/zachem-ssha-avstraliya-i-velikobritaniya-sozdali-novoe-oboronnoe-sotrudnichestvo-aukus>.
2. **Аман С.** «Новый» геополитический треугольник Россия – Китай – США // Вопросы политологии. 2025. № 3.
3. **Бирюков С.А.** Китай как конкурент США за лидерство в современной системе международных отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 5.
4. **Вонг Н.** Китай и проблемы безопасности в Тихом океане // <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitay-i-problemy-bezopasnosti-v-tikhom-okeane/>.
5. **Григаревичус А.Р.** Китайский фактор в формировании стратегии Индо-Тихоокеанского региона // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 1.
6. **Гуринович Д.Ф.** Тактика и идеология «БРИКС+» в геополитической картине мира // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. № 1.
7. **Королёв А.Н.** Насколько близки Россия и Китай? Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях // Россия и АТР. 2019. № 3 (105).
8. **Лукин А.Л., Коротич С.А.** Между Вашингтоном и Пекином: Что ждет Азиатско-Тихоокеанские альянсы США? // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 4.
9. **Лэн Сяотянь.** «Индо-Тихоокеанская стратегия»: проблемы безопасности Китая и Индии и возможные пути балансировки в регионе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 12.
10. **Медведев Н.П.** Международные конфликты и многополярность мирового порядка // Вопросы политологии. 2024. № 8.
11. **Нгуен Тхи Хоанг Оань.** Перспективы сотрудничества России и АСЕАН в структуре Азиатско-Тихоокеанской региональной безопасности // Вопросы политологии. 2024. № 3.
12. **Пан Лу.** Стратегическая конкуренция КНР с США и индо-пакистанский конфликт в контексте многосторонней дипломатии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 2.
13. **Пан Лу.** Индо-пакистанский конфликт и кашмирская проблема в работе ООН: ретроспективный анализ // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 11.
14. Североатлантический договор от 04.04.1949 // https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm.
15. **Сигал Д.Е., Пеньковцев Р.В.** Технологическое соперничество и геополитические стратегии как фактор воздействия американских ТНК на внешнюю

- политику США // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 3.
16. **Телегин Д.С.** Архитектура военно-политического сдерживания Китайской Народной Республики в Индо-Тихоокеанском регионе // Вопросы политологии. 2024. № 5.
  17. **Шао Цзянина.** Позитивные и негативные факторы в становлении китайско-индийских отношений в 21 веке // Вопросы политологии. 2024. № 6.
  18. **Штарк Л.П.** Технологический фактор американо-китайского геополитического противостояния // Вопросы политологии. 2024. № 7.
  19. **Элимхаджиев Р.** Тайвань как фактор трансформации международных отношений США и КНР: теоретико-методологический аспект // Вопросы политологии. 2024. № 6.
  20. **Cha V.** Powerplay: Origins of the U.S. Alliance System in Asia // International Security. 2010. Vol. 34. № 3.
  21. **Christensen T., Snyder J.** Progressive Research on Degenerate Alliances // American Political Science Review. 1997. Vol. 91, Issue 4.
  22. **Koga K.** A New Strategic Minilateralism in the Indo-Pacific // Asia Policy: National Bureau of Asian Research. 2022. Vol. 17, № 4.
  23. MAGA already looking to anoint Vance for 2028 // <https://www.axios.com/2025/03/18/vance-trump-maga-2028>.
  24. **Morrow J.D.** Arms Versus Allies: Trade-offs in the Search for Security // International Organization. 1993. Vol. 47. № 2.
  25. **Morrow J.D.** Modeling the forms of international cooperation: Distribution versus information // International Organization. 1994. Vol. 48. № 3.
  26. **Olson M.** The logic of collective action: Public goods and the theory of groups // Cambridge, MA: Harvard University Press. 1971.
  27. **Schweller R.L.** New Realist Research on Alliances: Refining, Not Refuting, Walt's Balancing Proposition // American Political Science Review. 1997. Vol. 91. № 4.
  28. Security Treaty Between the United States and Japan; September 8, 1951 // https://avalon.law.yale.edu/20th_century/japan001.asp.
  29. Security Treaty Between the United States, Australia, and New Zealand (ANZUS); September 1, 1951 // https://avalon.law.yale.edu/20th_century/usmu002.asp.
  30. **Snyder G.H.** Alliance politics // Ithaca, NY: Cornell University Press. 1997.
  31. **Walt S.M.** The Origins of Alliances // Ithaca, NY: Cornell University Press. 1987.
  32. **Waltz K.N.** Theory of international politics // Reading, MA: Addison-Wesley. 1979.
  33. **Wilkins T.S.** 'Alignment', not 'alliance' – the shifting paradigm of international security cooperation: toward a conceptual taxonomy of alignment // Review of International Studies. 2012. Vol. 38. № 1.

A.YU. SEREDA

Graduate student, St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia

MINILATERAL FORMATS OF U.S. MILITARY-POLITICAL COOPERATION IN THE INDO-PACIFIC SECURITY ARCHITECTURE

The article examines the minilateral formats of US military-political cooperation in the Indo-Pacific region as a key component of the transforming regional security architecture. In the context of strategic rivalry with China, a shift in American foreign policy practice has been revealed from the conclusion of formalized multilateral alliances in favor of creating flexible non-traditional associations with a limited number of participants. The minilateral mechanisms function as institutional superstructures of the existing system of traditional bilateral alliances, forming a network of interrelated mechanisms, contributing to the strengthening of the regional security architecture without the need for a formal collective agreement. Such structures provide a high degree of manageability, institutional adaptability, and the ability to focus efforts on priority areas, including strategic deterrence, advanced technology development, and countering cyber threats. The limitations of traditional theories of alliances in explaining new forms of international cooperation are emphasized, which necessitates a revision of the theoretical and methodological foundations for studying modern military-political formats in the Indo-Pacific Region (IPR). It is concluded that minilateralism is becoming one of the basic tools for implementing the long-term strategy of the United States to strengthen regional leadership in a changing balance of power.

Key words: minilateralism, Indo-Pacific region, military-political cooperation, regional security architecture, USA.